

**Языковые практики российских дипломатов
иностранного происхождения братьев Симолиных
во второй половине XVIII века***

Мария А. Петрова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-
Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century****

Maria A. Petrova

HSE University,
Moscow, Russia

This article considers the usage of native and foreign languages in the multinational community of Russian diplomats in the second half of the eighteenth century, especially by the immigrants from the Ostsee (Baltic) provinces of the Russian Empire annexed as a result of the Great Northern War of 1700–1721. Incorporating the approaches of new diplomatic history that applies the methods of sociolinguistics and studies, among others, the national, social and cultural identities of international actors, the author examines language practices and language competences of Swedes Karl Gustav (Karl Matveevich) and Johann Matthias (Ivan Matveevich) Simolin in the context of their career strategies. The study refers to their correspondence with Russian monarchs and the leadership of the Collegium of Foreign Affairs over the 1740s–1780s kept in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Russian State Archive of Ancient Documents. The reconstruction of both brothers' career paths reveals that they used similar language competences they initially had in different ways. Karl Gustav,

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 22-48-04402 «Языки российской дипломатии XVIII века в европейском контексте». Благодарю В. С. Ржеуцкого и И. И. Федюкина за вопросы и комментарии к тексту на этапе его подготовки.

** *Citation*: Petrova, M. A. (2023). Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846.

Цитирование: Petrova M. A. Language Practices of the Brothers Simolin, Russian Foreign-Born Diplomats, in the Second Half of the 18th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846 / Петрова М. А. Языковые практики российских дипломатов иностранного происхождения братьев Симолиных во второй половине XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1264–1279. DOI 10.15826/qr.2023.4.846.

the elder brother, translator, and polyglot, was responsible for correspondence in German in the Collegium of Foreign Affairs for many years. However, when he received an appointment to Mitau, his only diplomatic post, in 1758, he began to conduct official correspondence in the Russian language. Johann Matthias, the younger brother, spent most of his life abroad and, starting from 1758, held diplomatic posts in Regensburg, Copenhagen, Stockholm, London, and Paris. German that he spoke as a native speaker and French were his main languages of correspondence with the Russian monarchs and the leadership of the Collegium of Foreign Affairs. French gradually replaced German in documents of all types as the language of international and court communication. In addition, Simolin understood the Russian language perfectly, which, from the mid-1770s, spared the Collegium from having to translate rescripts sent to him on behalf of the empress. The analysis of both brothers' language practices demonstrates that despite the introduction of French into the internal correspondence of the Collegium of Foreign Affairs in the second half of the eighteenth century, the new subjects of the Russian Empire found it necessary to learn Russian to gain promotion and become part of the Russian imperial elite.

Keywords: diplomatic correspondence, language choice, language competences, Russian Empire, Brothers Simolin, 18th century

Статья посвящена проблеме использования родного и иностранных языков в многонациональном сообществе российских дипломатов второй половины XVIII в., в частности, выходцами из Остзейских губерний Российской империи, присоединенных по итогам Северной войны 1700–1721 гг. Аккумулируя подходы новой дипломатической истории, которая применяет методы социолингвистики и изучает национальные, социальные и культурные идентичности акторов международного процесса, автор рассматривает языковые компетенции и языковые практики шведов Карла Густава (Карла Матвеевича) и Иоганна Магиаса (Ивана Матвеевича) Симолиных в контексте их карьерных стратегий. Источниковой базой исследования служит их переписка с российскими монархами и руководством Коллегии иностранных дел за 1740–1780-е гг. из фондов АВПРИ и РГАДА. Реконструкция отдельных этапов карьеры обоих братьев позволила установить, что они по-разному реализовали примерно одинаковый набор компетенций, изначально имевшихся в их распоряжении. Старший брат Карл Густав, переводчик-полиглот, долгие годы отвечал в Коллегии иностранных дел за переписку на немецком языке, а, получив свой единственный дипломатический пост в Митаве в 1758 г., начал вести служебную корреспонденцию на русском языке. Младший брат Иоганн Магиас большую часть жизни провел за границей и с 1758 г. занимал дипломатические посты в Регенсбурге, Копенгагене, Стокгольме, Лондоне и Париже. Немецкий, которым он владел на уровне носителя, и французский были основными языками его переписки с российскими монархами и руководством Коллегии иностранных дел, причем французский как язык международного и светского общения постепенно вытеснил немецкий из всех видов документов. Кроме того, Симолин прекрасно понимал русский язык, что

начиная с середины 1770-х гг. избавило коллегия от необходимости переводить для него рескрипты от имени императрицы. Анализ языковых практик обоих братьев показывает, что, несмотря на распространение французского языка во внутренней переписке Коллегии иностранных дел во второй половине XVIII в., новые подданные Российской империи считали необходимым изучать русский язык, чтобы получить продвижение по службе и стать частью общеимперской элиты.

Ключевые слова: дипломатическая корреспонденция, выбор языка, языковые компетенции, братья Симолины, Российская империя, XVIII в.

Дипломаты иностранного происхождения на службе Российской империи

Создание системы дипломатических представительств за рубежом началось в России в начале XVIII в. Формируя кадры для новых зарубежных учреждений, царь Петр I первоначально опирался на опыт московских дипломатов старой школы Посольского приказа – выходцев из провинциального дворянства П. Б. Возницына, Е. И. Украинцева, П. В. Постникова, но впоследствии предпочитал назначать на ответственные посты представителей аристократии. Из 23 русских дипломатов, возглавлявших миссии с 1700 по 1725 г., 18 принадлежали к древним фамилиям Голицыных, Долгоруковых, Хилковых, Бестужевых-Рюминых, Матвеевых. При этом большинство из назначенных до 1710 г. не имели соответствующего опыта, хотя могли бывать за границей и в большей или меньшей степени владели иностранными языками. Уровень образования среди тех, кто становились главами миссий после 1710 г., был существенно выше, поскольку они служили при первых петровских дипломатах¹.

Однако квалифицированных кадров не хватало, поэтому Петр I начал привлекать иностранцев, часто незнатного происхождения, сначала в качестве агентов, затем в качестве министров, облеченных дипломатическим рангом. Это были главным образом выходцы из государств и областей, входивших в состав Священной Римской империи (например, А. И. Остерман – из Вестфалии, И. Ф. Бёттигер – из Саксонии, И. К. Урбих – из Тюрингии, барон А. фон дер Лит – из Бранденбурга, Г. Х. Шлейниц – из Брауншвейг-Вольфенбюттеля), а также из Речи Посполитой (П. И. Ягужинский и Л. Ланчинский). При этом после создания в 1718 г. в России нового внешнеполитического ведомства – Коллегии иностранных дел – все дипломаты поступали туда на службу, в отличие от предшествующей эпохи, когда главы чрезвычайных миссий, как правило, не являлись служащими Посольского приказа².

¹ Об изучении французского и других иностранных языков в дворянской среде при Петре I см.: [Rjéoutski].

² Подробнее о петровских дипломатах см.: [Bohlen; Altbauer].

Казалось бы, после присоединения Россией шведских территорий в Прибалтике по итогам Северной войны 1700–1721 гг. к дипломатической деятельности могли быть привлечены новые подданные дворянского происхождения, владевшие иностранными языками, – шведы и балтийские немцы, проживавшие в Лифляндии и Эстляндии, но это произошло далеко не сразу: вероятно, Петр I и его преемники до определенного момента сомневались в их лояльности. Единственным исключением стал швед И. Л. Люберас фон Потт, который перешел на российскую службу в 1700 г. в качестве военного инженера, а в 1744–1745 гг. служил полномочным министром в Стокгольме, но был отозван из-за ненадлежащего исполнения им своих обязанностей³. Когда на российский императорский престол взошла Анна Иоанновна, вдовствующая правительница Курляндии и Семигалии, на российскую дипломатическую службу поступили курляндцы (К. Г. фон Левенвольде, К. Х. фон Бракель, Г. К. фон Кейзерлинг, И. А. фон Корф, Э. И. фон Бутлер).

Только в конце 1750-х гг. выходцы из Остзейских губерний Российской империи начали занимать самостоятельные дипломатические посты. Первыми были шведы К. Г. и И. М. Симолины. В царствование Екатерины II (1762–1796) это были уже балтийские немцы, и их число на дипломатической службе неуклонно росло (например, И. Р. и Г. В. Ребиндеры, И. И. Местмахер, О. М. и И. М. Штакельберги, К. М. фон Остен-Сакен, А. И. Криденер, Д. М. и М. М. Алопеусы, Я. И. Сиверс, О. А. Игельстром). Большинство ранее занимали должности переводчиков, секретарей или советников посольства в российских миссиях за рубежом. При этом, несмотря на развернувшиеся при императрице Елизавете Петровне (1741–1761) дискуссии о необходимости растить национальные кадры⁴, российские монархи во второй половине XVIII в. продолжали привлекать в качестве своих дипломатических представителей иностранных подданных, чаще из германских государств (вюртембергцы Г. и Ф. Гроссы, К. Я. Бюлер; голштинцы К. фон Сальдерн, Х. И. Петерсон, А. С. Струве; уроженцы княжества Хальберштадт Ф. А. Ассебург и графства Берг М. Нессельроде) и Венецианской Республики (Г. Кавалькабо, П. Маруцци, греки Д. Моцениго, А. Псаро). Большинство иностранцев сразу получали самостоятельные дипломатические посты, но были и те, кто начинал карьеру с должности переводчиков или секретарей российских миссий, например, Гроссы, Бюлер и Струве.

Языковые практики многонационального сообщества российских дипломатов стали предметом исследований совсем недавно. Изучение этой темы связано с интересом современной историографии

³ В 1752 г. по инициативе канцлера А. П. Бестужева-Рюмина было начато разбирательство о деятельности Любераса в Стокгольме, но доказательств его вины представлено не было [АКВ, кн. 33, с. 430–446].

⁴ См. письма М. П. Бестужева-Рюмина М. И. Воронцову: [АКВ, кн. 2, с. 263, 279–280].

к проблеме бытования и использования иностранных языков в конце XVII – XVIII в., когда французский постепенно сменял латынь в качестве основного языка международного общения в Европе и становился языком придворного светского общения [Burke; Rjéoutski, Argent, Offord]. Взаимодействию русского и французского языков и франкофонии в России как явлению посвящены работы Д. Оффорда, В. Ржеуцкого и Г. Арджент, показавших среди прочего, что уже в первой трети XVIII в. русские по происхождению дипломаты использовали французский язык не только в общении с иностранными коллегами за рубежом, но и в переписке между собой⁵. Для русского дворянства в целом, к которому принадлежала, по моим подсчетам, примерно половина дипломатов Екатерины II, французский как «формульный язык зрелой культуры, выработавшей всеобъемлющий кодекс поведения», становился маркером европейской социальной идентичности и социального превосходства над представителями других сословий [Оффорд, Ржеуцкий, Арджент, с. 207, 293–295, 406].

В отличие от языковых практик русских по происхождению дипломатов, языковые практики находившихся на службе в Коллегии иностранных дел иностранцев и выходцев из Остзейских губерний Российской империи в первом и втором поколении, для которых русский язык не был родным, предметом специального исследования не становились.

Карьерный путь и языковые компетенции дипломатов Симолиных

Сыновья шведского пастора Матиаса Симолина Карл Густав и Иоганн Матиас родились в Ревеле. Энциклопедии указывают на 1715 и 1720 гг. как на годы их рождения. При этом в автобиографиях, составленных в 1754 г., Карл Густав писал, что ему 35 лет (то есть родился он в 1718 или в 1719 г.), а Иоганн Матиас сообщал, что родился в 1721 г. [«Скаска», с. 134–135]. Об образовании братьев известно немного. Карл Густав упоминал, что в юности обучался иностранным языкам в чужестранных краях на собственные средства. Он учился юриспруденции в Галле, а Иоганн Матиас – в 1739 г. в Йене и в 1743 г. в Або. Учеба в Германии позволила братьям в совершенстве овладеть немецким языком [Deutschbaltisches, S. 733].

На службу в Коллегию иностранных дел Карл Густав поступил 27 марта 1740 г.⁶ по протекции своего родственника Карла фон Бреверна, секретаря Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, впоследствии конференц-министра императрицы Елизаветы Петровны [«Скаска», с. 135], получив сначала чин «букгалтера» и жалованье 100 руб. в год, а 26 января 1741 г. – чин переводчика с годовым окладом

⁵ См. об этом: [Оффорд, Ржеуцкий, Арджент, с. 338–352]. О языковых практиках российских дипломатов второй половины XVIII в. см.: [Петрова].

⁶ Даты событий указаны по старому стилю.

200 руб. 2 февраля 1742 г. Симолин обратился к Елизавете Петровне с челобитной на русском языке, в которой просил прибавки к жалованью. Для доклада императрице коллегия подготовила специальную «выписку» о Симолине, отметив, что принят он был на службу «ради ученых им диалектов латинского, французского и швецкого», а повышение через год получил «по ево в переводческих делах доброму прилежанию и трудолюбию» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1619. Л. 1–3 об.]. Доклад был представлен Елизавете Петровне 15 февраля, но о вынесенном решении в документах не сказано [АКВ, кн. 1, с. 208].

Не позднее апреля 1741 г. Карла Густава привлекли к ведению корреспонденции на немецком языке. Его почерком были составлены один рескрипт и две канцелярские цидулы на имя российского резидента в Гамбурге И. Г. Гейнсона [АВПРИ. Ф. 44. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 15, 76–78]⁷. Поскольку почерк у Симолина не был каллиграфическим, его руку гораздо чаще можно встретить не на готовых документах, а на проектах рескриптов на немецком языке, адресованных российским дипломатам – выходцам из германских государств. Некоторые рескрипты он составлял сразу на немецком, а некоторые переводил на немецкий с русского языка уже в 1742 г. [Там же. 1742. Д. 4. Л. 134–135 об.]. Кроме того, рукой Симолина переписаны перлюстрированные донесения иностранных дипломатов на немецком и французском языках за вторую половину 1743 г. [Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2, 100–101 об., 206–206 об., 212–212 об.].

Симолин был, очевидно, очень способным человеком, так как вскоре за него развернулась настоящая битва среди сильных мира сего. Вице-канцлер А. П. Бестужев-Рюмин после скоропостижной смерти 3 января 1744 г. тайного советника и конференц-министра Бревверна предложил Елизавете Петровне поощрить его родственника Карла Густава и пожаловать его чином секретаря коллегии с жалованьем 500 руб., особо отметив, что он «в разных языках искусство имеет». Но Елизавета Петровна уже пообещала только что назначенному полномочным министром в Стокгольм И. Л. Люберасу отправить Симолина с ним, «яко он ему для исправления канцелярских дел весьма потребен и по искусству как в других, так и особливо в Шведском языке тамо способен будет», да и покойный Бревверн просил об этом императрицу. Бестужев-Рюмин пытался возражать, доказывая незаменимость своего подчиненного-полиглота в коллегии:

...Оной Симолин для его в разных языках, а особливо и в Шведском, искусства, якоже и для переводов с Российскаго на Немецкий, в чем подлинно немалое искусство потребно, здесь при Коллегии весьма надобен, и так что ежели его отлучить, то другаго такого человека при Коллегии не останется, и в делах не без остановки быть может, да и ему самому авантажнее сие было бы, ежели бы он при Коллегии оставлен и секретаря

⁷ Благодарю С. В. Польского за помощь в установлении почерка Карла Густава Симолина.

рем с прибавкою жалованья определен был, а к генералу Любрасу и без того секретарь [Федор Иванович] Чернев из Берлина отправлен будет, да секретарь [Вильгельм Людвиг] Шривер отсюда с ним пошлется (курсив мой. – М. П.) [АКВ, кн. 6, с. 19–20].

Императрица не поддержала эти предложения, заметив, что для работы в коллегии всегда можно найти подходящего человека. Канцлеру, выступавшему против назначения шведа Любераса российским представителем в Стокгольме, пришлось отступить. Отъезд Симолина, возможно, расстроил и барона И. М. И. фон Нейгауза, полномочного министра императора Священной Римской империи Карла VII в Петербурге. Выяснив, что при российском дворе существует давняя традиция все официальные грамоты иностранным монархам составлять на русском языке и прилагать к ним переводы на немецкий или латынь, Нейгауз начал поиски человека, который мог бы проверять точность переводов и в случае необходимости переводить «трактаты и пьесы» с русского и «других северных языков». К февралю 1744 г. такой специалист был найден, но вскоре выяснилось, что генерал Люберас увез его с собой переводчиком в Швецию, из чего мы можем заключить, что речь шла именно о Симолине [АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 46 об.–48, 155].

Путешествие в Стокгольм растянулось почти на год, поскольку с разрешения Елизаветы Петровны Люберас поехал туда не через Финляндию, а через Берлин, Гамбург и Копенгаген. Симолин, получивший на проезд всего 200 руб. и наживший немало долгов, сразу по приезде в Швецию 28 декабря 1744 г. обратился к Елизавете Петровне с челобитной на русском языке о возвращении его в коллегию с повышением в чине и прибавкой жалованья. И если в прошении 1742 г. он называл себя Карл Густав, то с 1744 г. именовался «Карл Матвеев Симолин» на русский манер [Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1688. Л. 2–2 об.].

Челобитная была передана на рассмотрение императрице уже 18 января 1745 г. И поскольку она была недовольна затянувшимся вояжем Любераса, Бестужеву-Рюмину, к тому времени уже канцлеру, удалось убедить ее вернуть Симолина в Петербург, а на его место в Стокгольм отправить, как предлагалось годом ранее, секретаря посольства в Берлине Шривера [Протоколы, с. 76]. Заботами Бестужева Карл Матвеевич именным указом от 17 сентября 1745 г. получил чин секретаря коллегии [Там же, с. 177–178], а 26 октября 1749 г. был произведен в надворные советники с жалованьем 800 руб. в год [«Скаска», с. 135]. С канцлером у Карла Густава сложились близкие отношения. По сообщению прусского посланника в Петербурге А. фон Мардефельда, датированному февралем 1747 г., Симолин был одним из трех секретарей канцлера, проживавших в его доме [Лиштенан, с. 280]. Однако служба, видимо, не слишком удовлетворяла его, прежде всего в финансовом отношении: жалованье было невелико, а работать приходилось дено и ночью. Поэтому дважды – в 1752 и 1755 гг. – он обращался с просьбой к Елизавете Петровне о переводе в губернское

правление Ревеля советником, но его челобитные остались без ответа [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1759. Л. 1–1 об.; Д. 1912. Л. 1–2 об.].

В 1758 г. жизнь Карла Матвеевича резко изменилась. 26 марта (6 апреля) Елизавета Петровна произвела его в канцелярии советники и назначила своим представителем в Курляндию на место Э. И. Бутлара [Там же. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 4. Л. 1–1 об.]. В разгар Семилетней войны пост в Митаве приобретал для России особое значение: в окружении императрицы обсуждались планы передачи Польше Восточной Пруссии, завоеванной российскими войсками в начале 1758 г., в обмен на Курляндию. Таким образом, выбор Симолина свидетельствовал об уверенности Елизаветы Петровны и руководства Коллегии иностранных дел в его лояльности. При этом назначение состоялось спустя две недели после ареста канцлера Бестужева-Рюмина 27 февраля 1758 г. Можно предположить поэтому, что его секретаря и доверенное лицо удалили из Петербурга намеренно. В 1763 г. Карл Симолин дослужился в Митаве до чина действительного статского советника и оставался на этом посту до самой смерти 16 августа 1777 г.

Младший брат Карла Густава Иоганн Матиас поступил на службу в Коллегию иностранных дел в августе 1743 г. канцелярии юнкером с жалованьем 150 руб. в год, а указом от 21 января 1744 г. был направлен в том же чине в Копенгаген к полномочному министру России курляндцу барону И. А. фон Корфу с прибавкой 150 руб. В 1746 г. Симолин вместе с Корфом был переведен в Стокгольм, где 31 января 1748 г. получил чин секретаря посольства [«Скаска», с. 134], фактически второго человека в миссии, участвовавшего в составлении донесений и переписывании их набело. Из-за недовольства короля и риксдага вмешательством Корфа во внутренние дела Швеции он был вновь переведен в Копенгаген. Симолин, оказывавший ему содействие, остался в Швеции. Новому полномочному министру Н. И. Панину он был нужен прежде всего для общения с местными агентами как человек, владевший шведским языком; к ведению корреспонденции на русском языке его не привлекали. Поэтому осенью 1752 г. Симолин попросил перевести его на другой пост, так как в Стокгольме в перерыве между заседаниями риксдага, собиравшегося раз в три года, он находился без дела. Эта просьба была удовлетворена, и Симолин вернулся в Копенгаген к Корфу [АВПРИ. Ф. 53. Оп. 1. 1752. Д. 2. Л. 87–87 об.].

Весной 1757 г. освободилось место секретаря посольства в Вене при чрезвычайном и полномочном после курляндце Г. К. фон Кейзерлинге. В иерархии дипломатических постов Вена, где находилась резиденция императора Священной Римской империи, была, пожалуй, самым престижным местом. Коллегия иностранных дел старалась следить за тем, чтобы языки ведения корреспонденции у главы миссии и секретаря или советника посольства совпадали. Выбор Симолина указывает на то, что среди секретарей посольства, владевших немецким языком, он был лучшим [Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1757. Д. 6а. Л. 4–4 об.].

В феврале 1758 г. Кейзерлинг рекомендовал своего подчиненного на первый в его жизни самостоятельный пост – резидента при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи в Регенсбурге, требовавший, среди прочего, основательных познаний в латыни как одном из официальных языков имперского делопроизводства. Елизавета Петровна прислушалась к мнению опытного дипломата и 19 марта 1758 г. назначила Симолина в Регенсбург [АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1758. Д. 4. Л. 1–1 об.], где он прослужил с небольшими перерывами до 1772 г. Затем в качестве дипломатического агента фельдмаршала П. А. Румянцева он принял участие в заключении перемирия с Османской империей в Журжево (*совр.* Джурджу), подписанного 19 мая 1772 г., и за успешное выполнение этого поручения получил в том же году чин действительного статского советника и пост посланника в Дании, которого давно добивался. В начале 1775 г. Екатерина II назначила Симолина посланником в Стокгольм, в 1779 г. последовало его назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Лондон, а в 1784 г. – чрезвычайным посланником в Париж, причем каждый раз дипломата направляли на усиление работы миссий. Служба при ведущих европейских дворах предполагала свободное владение французским языком.

В 1792 г., имея уже чин тайного советника, Иоганн Матиас стал дипломатическим агентом при войсках антифранцузской коалиции и проживал преимущественно в Вене. В 1798 г. он получил назначение в Мадрид в ранге чрезвычайного и полномочного посла, но скончался, не успев выехать к месту службы. Таким образом, сын скромного шведского пастора, пусть и получивший, как и старший брат, в 1754 г., то есть еще до назначения на первый самостоятельный пост, рыцарство Священной Римской империи с титулом «благородный» (*Edler von*)⁸, прошел путь от юнкера коллегии до дипломата высшего ранга.

Языковые практики братьев Симолиных

Значительная часть жизни Карла Матвеевича Симолина прошла в Петербурге, где он более десяти лет отвечал в Коллегии иностранных дел за корреспонденцию на немецком языке. Его служебная и личная переписка, дошедшая до нас, относится к периоду дипломатической службы за рубежом, и эта переписка свидетельствует о том, что в Курляндии ему пришлось резко сменить языковую стратегию. Накануне отъезда в Митаву Карл Матвеевич получил рескрипт из Коллегии иностранных дел от 7 июля 1758 г., который предписывал ему направлять реляции на высочайшее имя на русском языке, поскольку от перевода с немецкого здесь «напрасное только затруднение произойдет» [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 5. Л. 73 об.]. Это распоряжение позволяет заключить, что руководство ведомства не хотело нагружать переводчиков лишней работой, так как было уверено в языковых навыках Симолина.

⁸ Впоследствии оба получили баронский титул. См.: [Общий гербовник].

В помощь дипломату для ведения корреспонденции в Митаву был направлен коллегии юнкер Николай Евсюков, произведенный указом от 7 июля 1758 г. в секретари посольства [АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1758. Д. 5. Л. 80–80 об.]. Именно его рукой составлено большинство реляций Симолина до 1768 г. В 1770 г. Евсюкова на посту секретаря посольства сменил Иван Кельдерман, предположительно выходец из Остзейских губерний, одинаково хорошо владевший русским и немецким языками. Сведений о том, как проходила работа дипломатов над донесениями – диктовал ли Карл Матвеевич текст или задавал общее направление, а секретари дальше действовали сами, – в нашем распоряжении нет.

Из 45 реляций Симолина за 1758 г. только одна (от 15/26 сентября) была составлена на немецком языке, правда, не его рукой. Речь шла о споре вокруг земельных владений в Курляндии шведского графа Туре Габриэля Бельке. Выбор языка объясняется, вероятно, содержанием реляции, которая опиралась на приложенные к ней многочисленные немецкоязычные документы [Там же. Д. 66. Л. 9–9 об.].

Среди реляций на русском языке сохранилась одна собственноручная – от 27 декабря 1758 г. Содержание ее было секретным. В ней Симолин делился соображениями о расстановке сил в Курляндии и способах усиления российского влияния в герцогстве. Правописание и стилистика не оставляют сомнений в том, что текст был написан человеком, свободно владевшим русским языком. Поэтому можно утверждать, что языковые компетенции Карла Симолина и русских по происхождению сотрудников миссии в Митаве были примерно одинаковы. Уже в Коллегии иностранных дел некто сделал несколько исправлений по тексту карандашом. Для десятистраничного текста их количество минимально. Ошибки, допущенные Симолиным, или являются опечатками, или объясняются особенностями произношения отдельных слов (*везма/весма; деревны/деревни; командов/команд; лацарет/лазарет; магаццины/магазины; разпорячение/разпоряжение*) [Там же. Л. 457–461 об.].

В отличие от многих своих коллег, часто использовавших во второй половине столетия французский язык в переписке с руководителями Коллегии иностранных дел М. И. Воронцовым, Н. И. Паниным, А. М. Голицыным, И. А. Остерманом, А. А. Безбородко, Симолин в общении с ними ограничивался русским языком и крайне редко писал собственноручно, пользуясь услугами сотрудников миссии. Мне пока удалось найти единственное собственноручное его письмо на французском языке от 11 (22) апреля 1775 г. В нем Карл Матвеевич выражает вице-канцлеру Голицыну сожаление по случаю его выхода в отставку и поздравляет с получением придворного чина камергера [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3215. Л. 11]. Возможно, за отсутствием практики в России Симолин не слишком свободно владел французским, а в Курляндии этот язык не был востребован. С другой сторо-

ны, можно предположить, что в данном случае он писал уже не как подчиненный начальнику, а как частное лицо частному лицу, пусть и стоявшему выше по положению, и французский здесь играл роль языка светского общения.

Основными языками корреспонденции Иоганна Матиаса Симолина были немецкий и французский. Следуя неписаному правилу Коллегии иностранных дел составлять реляции на высочайшее имя на родном языке, официальные донесения российским монархам из Регенсбурга в 1758–1772 гг. он отправлял на немецком, которым как выходец из Остзейских губерний владел на уровне носителя, и получал рескрипты от них на том же языке. В Петербурге реляции переводились на русский язык. С руководством коллегии и с российскими дипломатами за рубежом независимо от их происхождения Симолин переписывался на французском, что позволяло в том числе нивелировать различия в общественном положении корреспондентов, большинство из которых принадлежали к титулованному дворянству. Все депеши и письма из Регенсбурга, а также значительную часть реляций дипломат писал собственноручно, хотя начиная с 1762 г. в составе миссии находились секретарь посольства голштинец Антон Себастьян Струве и с 1767 г. актуариус, впоследствии переводчик лифляндец Вильгельм Беккер.

Хотя Иоганн Матиас с 1744 г. служил исключительно за границей и в Петербурге бывал наездами – в 1762, 1771, 1776 гг., определенными знаниями русского языка он обладал с самого начала карьеры. Сохранилась его собственноручная челобитная на русском языке от 23 октября 1746 г. с просьбой о пожаловании ему чина секретаря посольства с подписью «Иоганн Симолин» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1694. Л. 1–1 об.], но, поскольку текст не содержит речевых ошибок, он был явно подготовлен носителем языка. Занимаясь в Регенсбурге в середине 1760-х гг. по поручению Екатерины II отправкой европейских колонистов в Россию, Иоганн Матиас регулярно получал из Канцелярии опекунов иностранных (ведомства, отвечавшего за их прием) инструкции на русском языке. И, по признанию самого дипломата, эти инструкции были для него не столь ясны (*pas d'une si grande clarté*), как, например, канцелярские цидулы на русском языке, периодически присылавшиеся из Коллегии иностранных дел. Симолину приходилось обращаться в российскую миссию в Вене с просьбой о переводе документов канцелярии, что стоило дополнительных расходов и времени. Поэтому в 1765 г. он просил впредь прикладывать к распоряжениям Канцелярии опекунов иностранных качественные переводы на немецкий или французский язык [Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 43. Л. 32 об.–33]. Вице-канцлер А. М. Голицын, пообещав решить проблему с переводом, был удивлен подобным признанием, поскольку в Петербурге были уверены, что Иван Матвеевич достаточно хорошо знает русский язык, чтобы понимать содержание присылаемых документов [Там же. Д. 45. Л. 36 об.–37].

В ходе дальнейшей службы Симолин перестал использовать немецкий язык в корреспонденции с императрицей Екатериной II, перейдя на французский [АВПРИ. Ф. 53. Оп. 5. Д. 258], хотя на должностях советника или секретаря посольства находились остзеец И. И. Местмахер в Копенгагене и саксонец И. С. Рикман в Стокгольме, которые могли бы составлять реляции на немецком, если бы этого хотел глава миссии. Следует отметить, что, к примеру, число реляций Симолина из Стокгольма совсем невелико: обсуждение текущих дел переместилось в переписку с вице-канцлером И. А. Остерманом, возможно, потому, что тот много лет был посланником в Швеции. Немецкий язык исчез и из рескриптов, адресованных Симолину от имени императрицы. Удивительный факт, но теперь их ему направляли на русском языке без перевода независимо от степени сложности дела!⁹

В личном архиве Симолина сохранилось несколько писем фельд-маршала П. А. Румянцева на русском языке о деталях переговоров между Россией и Османской империей в 1772 г. С пониманием содержания этих писем у дипломата не было проблем, хотя отвечал он на них всегда по-французски [РГАДА. Ф. 205. Д. 2, 3]. Несколько писем на русском языке Симолину написал в 1780–1781 гг. российский посланник в Гааге Д. А. Голицын. В двух письмах даже фиксируется переход с французского на русский внутри текста, причины перехода не объясняются [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 364. Л. 22–22 об., 30–30 об.]. Для нас важно, что русские дипломаты знали, что Симолину можно писать по-русски без ущерба для дела. Отметим также наличие отдельных реляций за его подписью на русском языке из Стокгольма и Лондона. В их составлении принимали участие русские по происхождению сотрудники миссий. Как правило, содержание таких реляций требовало реакции Коллегии иностранных дел (например, ее Публичной экспедиции, отвечавшей за выдачу денег) или других ведомств (Сената или Камер-конторы) [Там же. Ф. 96. Оп. 6. Д. 486. Л. 1–3 об.; Ф. 35. Оп. 6. Д. 297. Л. 1–2 об.].¹⁰ Своих сотрудников в Лондоне Симолин поощрял к изучению английского языка и, вероятно, сам им владел на определенном уровне [Там же. Ф. 35. Оп. 6. Д. 357. Л. 1–2 об.].

Невероятный карьерный рост Иоганна Матиаса при наличии других важных факторов (покровителей в лице руководства коллегии и основательных знаний европейской политики) трудно объяснить без учета языковых навыков, которыми он обладал, ведь его потенциальными конкурентами были представители высшего дворянства, и им часто отдавалось предпочтение при назначениях на ключевые дипломатические посты. Владение русским языком в какой-то степени стирало границы между русскими аристократами и бедным остзейцем и должно было теснее связать его с Российской империей.

⁹ См. оригиналы рескриптов в Лондон с подписями Екатерины II, Н. И. Панина, И. А. Остермана, А. А. Безбородко за 1779–1782 гг.: [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344, 345, 369].

¹⁰ См., например, реляцию из Лондона от 4 (15) октября 1779 г.: [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 6. Д. 297. Л. 1–2 об.].

Эту связь Симолин сам начал подчеркивать еще в Регенсбурге. Если до начала 1760-х гг. он подписывал свои немецкие донесения и французские письма *Johann Simolin*, затем *Jean [Жан] Simolin*, то в 1764 г. – уже *Iwan Simolin*, хотя в 1766 г. вновь вернулся к *Johann*. В годы службы в Лондоне и Париже наиболее употребительным оставалось все-таки французское *Jean*. В реляциях на русском языке он подписывался Иваном; Иваном Матвеевичем его именовали русские корреспонденты в письмах на русском языке. В годы долгой и, по признанию Симолина, нудной и бесполезной службы в Регенсбурге ему было важно донести до руководства коллегии, что, являясь по рождению подданным Российской империи, он не уступает русским по происхождению коллегам в «рвении, привязанности и верности Отечеству» (*de zèle, d'attachement et de fidélité pour la Patrie*) и рассчитывает, что ливонского дворянина (*un Gentilhomme Livonien*) не будут рассматривать в качестве иностранца и дадут ему новый, более интересный пост, соответствующий заявленным им качествам¹¹. «Патриотическое усердие» Симолина впоследствии отмечала Екатерина II в рескрипте от 15 июля 1779 г. о его назначении в Лондон [АВПРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 344. Л. 3 об.]. Следовательно, избранная стратегия приносила свои плоды.

* * *

Исследование языковых практик, зафиксированных в корреспонденции российских дипломатов, представляется крайне важным, поскольку во внутренних документах Коллегии иностранных дел, в переписке ее руководства и официальных рескриптах о назначениях на дипломатические посты сведения о языковых компетенциях соискателей за редким исключением не встречаются. Выявление этих практик позволяет поставить вопрос о том, какую роль владение иностранными языками играло в продвижении по карьерной лестнице наряду с другими факторами, такими как социальное происхождение, патронаж, знания в области политики и международного права, навыки ведения переговоров, личное обаяние и умение держать себя в свете.

Пример братьев Симолиных является во многом показательным не только потому, что оба добились больших успехов в карьере, но и потому, что, воспитываясь в одной семье и получив примерно одинаковое образование, они по-разному реализовали набор языковых компетенций, изначально имевшихся в их распоряжении (знания шведского, немецкого, русского, французского, латинского и, возможно, других языков). Карл Густав ранее отвечал в Коллегии иностранных дел за корреспонденцию на немецком языке, однако, оказавшись на дипломатическом посту в Курляндии с 1758 г., поль-

¹¹ Письмо И. М. Симолина А. М. Голицыну от 20 (31) мая 1770 г.: [РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3207. Л. 34–34 об.].

зовался преимущественно русским языком, которым овладел в совершенстве в ходе долгого пребывания в Петербурге. И если предположить, что после ссылки канцлера Бестужева Симолина намеренно удалили из коллегии, то Митава могла стать для него подходящим местом службы: отсутствие в этом городе дипломатического корпуса не требовало общения на французском языке, в котором ему так и не довелось попрактиковаться, а свободное владение немецким и русским языками обеспечивало выполнение поставленных перед ним задач. Неизвестно, были ли у Карла Густава желание и возможность сменить место службы, но его карьерный рост, несмотря на репутацию полиглота, оказался существенно ограничен, и причины этого пока не ясны.

Иоганн Магиас, большую часть жизни проживший за границей, в соответствии с духом времени последовательно вытеснял из своей корреспонденции немецкий язык, заменяя его французским – языком дипломатического сообщества и культурной дворянской среды, в которую ему удалось войти в том числе благодаря высокому уровню языковых компетенций. Говорил и писал по-русски он безусловно хуже своего старшего брата, но к середине 1770-х гг. научился прекрасно понимать этот язык, о чем Коллегия иностранных дел была осведомлена и что избавило ее от необходимости переводить для него любые документы. Широкий набор языковых навыков позволял ему служить в любой точке Европы.

Анализ языковых практик братьев Симолиных показывает, что, несмотря на распространение французского языка во внутренней переписке Коллегии иностранных дел второй половины XVIII в., значение национальных языков (в нашем случае русского и немецкого) было достаточно велико. При этом, чтобы состояться в профессии, новые подданные Российской империи чувствовали необходимость изучать русский язык независимо от того, как в дальнейшем складывалась их карьера. Насколько типичной была эта стратегия для других остзейцев, еще предстоит выяснить.

Библиографические ссылки

АВПРИ. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 1. Д. 1619, 1688, 1694, 1759, 1912; Ф. 6 (Секретнейшие дела. Перлюстрации). Оп. 1. Д. 16, 31; Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 1. 1757. Д. 6А; Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 297, 357; Ф. 36 (Лондонская миссия). Оп. 1. Д. 344, 345, 364, 369; Ф. 44 (Сношения России с Гамбургом). Оп. 1. 1741. Д. 3, 4; Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1. 1752. Д. 2; Оп. 5. Д. 258; Ф. 63 (Сношения России с Курляндией). Оп. 1. 1758. Д. 4, 5; Ф. 83 (Сношения России с Имперским собранием). Оп. 1. 1758. Д. 4; Оп. 2. Д. 43, 45; Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 6. Д. 486.

АКВ – Архив князя Воронцова : [в 40 кн.]. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1870–1895.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу : Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство, 1740–1750 / пер. с фр. В. А. Мильчиной. М. : ОГИ, 2000. 407 с.

Общий гербовник дворянских родов Российской империи : [сайт]. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/3419.html> (дата обращения: 22.12.2022).

Оффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г. Французский язык в России. Социальная, политическая, культурная и литературная история. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 888 с.

Петрова М. А. Языковые практики российских и австрийских дипломатов во второй половине XVIII в. // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11) / гл. ред. О. В. Хаванова. М. : Ин-т славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 35–60.

Протоколы приемов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии иностранных дел в 1745 г. / публ. К. А. Писаренко // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Т. 16. М. : Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 2007. С. 61–250.

РГАДА. Ф. 205 (Бумаги Симолина). Оп. 1. Д. 2, 3; Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 3207, 3215.

«Скаски» елизаветинской России / публ. К. А. Писаренко // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. Т. 15. М. : Студия ТРИТЭ : Рос. архив, 2007. С. 64–168.

Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Bd. 28, H. 1. P. 1–16.

Bohlen A. Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1966. Vol. 7, № 3. P. 341–358.

Burke P. Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004. 210 p.

Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1970. 930 S.

Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen / Hrsg. von H. Glück, M. Häberlein, A. Flurschütz da Cruz. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2019. S. 179–202.

Rjéoutski V., Argent G., Offord D. European Francophonie and a Framework for Its Study // *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* / ed. by V. Rjéoutski, G. Argent, D. Offord. Oxford : Peter Lang, 2014. P. 1–31.

References

AKV – *Arkhiv knyazya Vorontsova v 40 kn.* [Archive of Prince Vorontsov. 40 Books]. (1870–1895). Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Co.

Altbauer, D. (1980). The Diplomats of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 28. H. 1, pp. 1–16.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2 (Vnutrennie kollezhskie dela). List 1. Dos. 1619, 1688, 1694, 1759, 1912; Stock 6 (Sekretneishie dela. Perlyustratsii). List 1. Dos. 16, 31; Stock 32 (Snosheniya Rossii s Avstriei). List 1. 1757. Dos. 6A; Stock 35 (Snosheniya Rossii s Angliei). List 6. Dos. 297, 357; Stock 36 (Londonskaya missiya). List 1. Dos. 344, 345, 364, 369; Stock 44 (Snosheniya Rossii s Gamburgom). List 1. 1741. Dos. 3, 4; Stock 53 (Snosheniya Rossii s Daniei). List 1. 1752. Dos. 2; List 5. Dos. 258; Stock 63 (Snosheniya Rossii s Kurlyandiei). List 1. 1758. Dos. 4, 5; Stock 83 (Snosheniya Rossii s Imperskim sobraniem). List 1. 1758. Dos. 4; List 2. Dos. 43, 45; Stock 96 (Snosheniya Rossii so Shvetsiei). List 6. Dos. 486.

Bohlen, A. (1966). Changes in Russian Diplomacy under Peter the Great. In *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 7. No. 3, pp. 341–358.

Burke, P. (2004). *Languages and Communities in Early Modern Europe*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 210 p.

Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710–1960. (1970). Köln, Wien, Böhlau Verlag, 930 S.

Liechtenhan, F.-D. (2000). *Rossiya vkhodit v Evropu: Imperatritsa Elizaveta Petrovna i voina za Avstriiskoe nasledstvo, 1740–1750* [Russia Enters Europe: Empress Elizabeth Petrovna and the War of Austrian Succession, 1740–1750] / transl. by V. A. Mil'china. Moscow, OGI, 407 p.

Obshchii gerbovnik dvoryanskikh rodov Rossiiskoi imperii [General Armorial of the Noble Families of the Russian Empire] [website]. URL: <https://gerbovnik.ru/arms/3419.html> (accessed: 22.12.2022).

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2022). *Frantsuzskii yazyk v Rossii: Sotsial'naya, politicheskaya, kul'turnaya i literaturnaya istoriya* [The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 888 p.

Petrova, M. A. (2020). Yazykovye praktiki rossiiskikh i avstriiskikh diplomatov vo vtoroi polovine XVIII v. [Language Practices of Russian and Austrian Diplomats in the Second Half of the Eighteenth Century]. In Khavanova, O. V. (Ed). *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya. 2019.* Iss. 2 (11). Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 35–60.

Pisarenko, K. A. (Ed.). (2007). “Skaski” elizavetinskoi Rossii [“Tales” of Elizabethan Russia]. In *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh.* Vol. 15. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii arkhiv, pp. 64–168.

Pisarenko, K. A. (Ed.). (2007). Protokoly priemov imperatritsei Elizavetoi Petrovnoi rukovodstva Kollegii Inostrannykh del v 1745 g. [Records of Receptions by Empress Elizabeth of the Leadership of the Collegium of Foreign Affairs in 1745]. In *Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. Al'manakh.* Vol. 16. Moscow, Studiya TRITE, Rossiiskii arkhiv, pp. 61–250.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Documents]. Stock 205 (Bumagi Simolina). List 1. Dos. 2, 3; Stock 1263 (Golitsyny). List 1. Dos. 3207, 3215.

Rjéoutski, V. (2019). Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? In Glück, H., Häberlein, M., Flurschütz da Cruz, A. (Eds.). *Adel und Mehrsprachigkeit in der Frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, S. 179–202.

Rjéoutski, V., Argent, G., Offord, D. (2014). European Francophonie and a Framework for Its Study. In Rjéoutski, V., Argent, G., Offord, D. (Eds.) *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language.* Oxford, Peter Lang, pp. 1–31.

The article was submitted on 20.04.2023